

МАРГАРЕТ АСТЕР

ЗАКОН
БЛАГОДАРНОСТИ
Ведьма

МОСКВА

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Астер, Маргарет.

А91 Закон Благодарности. Ведьма / Маргарет Астер. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-184385-4

Не жалуют ведьм в славном и могучем королевстве Бранд-горд!

Девятнадцатилетней травнице Мариэль, ученице болотной ведьмы, долго удаётся скрывать свой магический дар. Но нет ничего тайного, что не стало бы явным. Спасая жизнь маленькой девочке, Эль случайно раскрывает свой секрет и попадает на эшафот. Таинственный аристократ выручает её из беды, но теперь, следуя Закону Благодарности, она должна отплатить ему за услугу. Девушка оказывается втянутой в дворцовые интриги и заговор по свержению власти. Удастся ли ей выбраться из заварушки живой и как во всём этом замешан говорящий рыжий кот?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184385-4

© Астер М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

В лесу было полно ловушек — от хитроумных силков с сетями до зубастых капканов. За утро я обезвредила уже десяток, но меньше их не становилось.

Могу понять деревенских, тут всё просто: поймал — поел, не поймал — голод. Но богачей, охотящихся ради забавы, я бы с удовольствием заманила в их собственные ловушки и понаблюдала, как им это понравится.

Я выругалась, чуть не наступив в прикрытый листовой силком. Куда ни ткнишь — везде западня. Значит, на охоту вышел кто-то из знати и ловчие стараются, чтоб никто из господ не уехал без трофея.

На стволе осины справа мелькнул красный флажок, я поспешила туда. Веревка с алыми лоскутами была натянута по всей окружности поляны аж в два ряда: первый на высоте одного локтя от земли, второй на высоте двух. Значит, расчет был и на змееволка, и на огнехвостых лисиц. Никак герцог пожаловал? Даже граф и барон не охотились с таким размахом. Похоже, решили выловить всех — от крупных хищников до грызунов. Я прошла вдоль веревки длиной не меньше десятка локтей, разрезая её и срывая флажки. Круг разомкнул, теперь звери смогут уйти от облавы.

В этой части леса живет стая змееволоков и полсотни огнехвосток, дальше в чащу охотники не сунутся. Стрелки будут ждать с подветренной стороны. Я об-

лизнула палец и подняла его над головой. Ветер с юга, значит, и загонщики там. Теперь понятно, почему вокруг столько капканов — хитрецы решили облегчить себе задачу. Им на руку, что многие звери попадут в ловушки, изранятся и вымотаются. Если хищники прибегут в западню напуганными, но в целости и сохранности, от стрелков и гончих с загонщиками останется фарш да горстка дымящегося праха. Одни только лисицы способны спалить дотла целый вооруженный отряд. Перед глазами нарисовалась сцена бесславного побоища: разъяренные огнехвостки с пламенеющей шерстью и снопами искр из глаз, шипящие змееволки в боевых стойках и орущие от ужаса охотники. Тут я невольно улыбнулась кровожадным мыслям.

Я им ещё одолжение сделала, разрезав веревки, даже обидно стало... самую малость. Жаль, что сегодня я разоспалась и пошла за травами позже обычного — все ловушки сломать не получится. Лишь бы успеть вывести из строя стальные челюсти капканов до начала травли! С сетями можно разобраться по ходу, когда поднимется суматоха.

Лес ещё не проснулся и казался мирным и спокойным. Солнечные лучи проникали сквозь редкую листву и рассыпались причудливыми тенями на пестром осеннем подлеске. Роса просохла, но было ещё прохладно. Плотнее закутавшись в плащ, я в который раз пожалела, что он едва доходит до колен. Но теплом приходилось жертвовать ради удобства. Ткань постоянно цеплялась за ветки и повисала рваными клочьями, пришлось обрезать бахрому.

Вдруг совсем рядом слева послышался собачий лай. Началось!

Перспектива встретиться нос к носу с некормленными перед охотой обозленными гончими не радовала. Я рванулась в сторону, подальше с дороги приравшиков. Хруст ветвей и гомон позади хлестко гнали вперед. На ходу подбирая юбку, впервые порадовалась, что укоротила плащ. Приходилось на скорости петлять между деревьями и кустами. Я понадеялась, что смогу оторваться. Листья предательски зашуршали. Яглянула вниз — хлоп! — ветка дерева распрямилась. Петля силка затянулась вокруг ноги.

— Жабья подмышка, драконья отрыжка! Ну повезло! — выругалась я.

Стая черных дроздов с пронзительным писком прочертила острыми крыльями верхушки деревьев. Это конец!

Веревка толстая, с расчетом на крупную добычу. Чтоб перерезать такую моим маленьким позолоченным серпом, потребуется минут десять. Столько у меня нет!

— Мать всего сущего, не оставь меня!

Дрожащими руками вцепилась в узел, но он не поддался. Озябшие пальцы не слушались, я поднесла их ко рту. Вдох, выдох! Замешкаюсь — на меня выскочит стая хищников, на мой страх налетят гончие. Ну же! Так. Спокойно. Вдох. Выдох. Вот, так лучше. Хватит трепыхаться, так только узел на ноге затягивается. Ненавижу беспомощность! Только не плакать, не плакать! Я аккуратно протянула руки и медленно начала распутывать канат. Гвалт охоты приблизился, но, кажется, сместился вправо.

— О Великая! Может быть, пронесет?

Силок ослабил хватку, и я рьяно взялась за дело.

— Ещё немного!

Я рывком вытянула ногу из западни и отпустила край веревки. В тот же миг ветка, к которой крепилась ловушка, с шумом распрямилась. Я взвизгнула от радости, но мой торжествующий крик смешался с жалобным воплем по ту сторону ствола. Послышался глухой удар, словно с телеги повалился мешок с брюквой.

Я чуть было не дала стрекача, но сдавленный стон заставил остановиться. Отцепив от пояса серп, я вытащила его из ножен. Какое-никакое, а оружие. Мелкими шагами с опаской обойдя дерево, я увидела лежащего плашмя мужчину. Хм-м-м, судя по ткани охотничьего костюма и выделке кожи сапог — из знати, причем самой высокопоставленной. Он больше не стонал, подняться не пытался. Я обошла незадачливого охотника. По виску мужчины текла тонкая алая струйка. Наверное, злополучная ветка, к которой крепился силок, разогнувшись, с размаху приложила его по голове.

Ха, поделом титулованному кровопийце! А еще говорят, что судьба несправедлива. Я решительно развернулась, чтобы уйти, но какая-то неведомая сила не давала сдвинуться с места. Замерев с занесенной над тропинкой ногой, я крутанулась на пятке и шагнула к сановнику. Наверняка мне придется пожалеть об этом, но это будет потом... Развернула его к себе лицом. Ого! И почему в нашей деревне не водятся такие красавчики? Вельможа оказался моложе, чем представлялось, — я бы не дала ему больше двадцати лет. Удивительно, но его кожа не отличалась такой бледностью, как у виденных мной раньше высокородных. Её золотистый оттенок приятно оттеняли темно-каштановые волосы. И только отхлынувшая от лица кровь говорила о том, что юноша не задремал на привале

в лесу, а получил увесистую оплеуху веткой и, кажется, готовится уйти к праотцам. Тяжело вздохнув, я нащупала в поясной сумке маленькую склянку с лечебным отваром.

Если бы такая бутылочка оказалась со мной в тот вечер, когда... но нет! Здесь и сейчас, жить здесь и сейчас! — напомнила я себе и сжала зубы. Тут человек умирает, это поважнее старых ран.

Присев на землю, положила голову вельможи к себе на колени, а то вдобавок ко всему поперхнется, только отвар зря потрачу. Я расстегнула тугой ворот охотничьего камзола и чуть не отдернула руку. С лацканов рубашки на меня уставились две симметричные виверны, вышитые золотыми нитями. Расшивка была настолько искусной, что твари казались живыми и злобно скалили чешуйчатые морды, словно хотели впиться мне в руку. Уж насколько я люблю животных, но этих крылатых ящериц на дух не переношу. И то, что они украшают собой герб Брандгорда, приязни не добавляет. Так, значит, мальчишка принадлежит к династии Юнбрендов. Неужели сын герцога? А может, один из королевских бастардов, о которых так любят сплетничать прачки на реке.

Соблазн был очень велик, но я не решилась бросить молодого аристократа в лесу на верную смерть. В чертах его лица не было ничего злого или отталкивающего. Разве что по-детски пухлый рот казался капризным, но разве это так уж грешно?

Зубами вытащив пробку из склянки, я аккуратно разомкнула полные губы юноши и замерла от промелькнувшей мысли: «А благодарность?» Осознание сковало словно вериги. Если я спасу его, нарушится равнове-

сие — один из древнейших законов вселенной — Закон Благодарности. Если вельможа не поблагодарит меня за помощь, то Великая Мать в справедливости своей заберет что-то у него и отдаст мне. Это мы уже проходили! Непрошенные вознаграждения, как и незнакомые амулеты, — вещь опасная, а желания просить плату за исцеление, когда знатный молодчик очнется, у меня не было. Из замешательства меня вырвал протяжный стон. Ещё немного, и думать будет не о чем. Одним движением я опрокинула бутылочку с горьким, но живительным отваром в рот юноши, зашептала заученные слова заговора и приложила ладонь к ране на его голове. Рука чуть заметно засветилась, вокруг закружились крошечные золотистые огоньки. Словно летающие в воздухе пылинки, попавшие в луч яркого света! Края раны побледнели и медленно стали стягиваться.

Прошло несколько секунд, в которые я, кажется, забывала дышать. Ну, давай! Давай же! Раненый не шелохнулся. Я успела наградить свою медлительность парой крепких выражений, но тут сановник резко вдохнул, закашлялся и пришел в себя. Наши взгляды встретились. Его глаза расширились в изумлении, и юноша протянул дрожащую руку в кожаной перчатке к моему лицу. Я опасливо отшатнулась, и голова вельможи сползла у меня с колен. Он ойкнул и зажмурился, потянувшись к ушибленному темечку. Что-то блеснуло на его правой руке. Вот оно! Моя награда. Сдернув надетый поверх перчатки перстень, я рывком поднялась и бросилась бежать, крикнув напоследок: «Квиты!»

Сердце колотилось с такой силой, что его удары оглушали. Остановиться я смогла, только пробежав

с полсотни локтей. Привалившись к дереву и слясь восстановить дыхание, покрутила в руках прикарманное кольцо. Ничего, авось не последнее. Хоть и не по своей воле, а отблагодарил, энергия уравновешена. Драгоценность поблескивала дорожками мелких камешков, рассыпанных по хребтам чеканных виверн. Снова ящерицы-переростки. И чего знати так нравятся эти злонравные, ядовитые падальщики? Почему бы не увековечить на гербе страны благородного дракона, раз уж так хочется чего-то эдакого, чешуйчатого? У них характер покруче, но хоть вид царственный. И нападают драконы в открытую, а не жалят исподтишка смертоносным колючим хвостом. Я с отвращением сплюнула в траву. Ну ладно, как-никак золото. Сойдет и с вивернами, всё равно в расход пушу или продам на ярмарке. Перстень я повесила на шнурок на шее, рядом с талисманом из черного кварца. С защитной магией амулета точно не потеряю.

Я побрела в сторону болота, стараясь держаться подальше от охоты. Шум отдалился к кромке леса. Птицы и мелкие зверьки начинали возвращаться в насиженные гнезда и норки. Судя по тому, что травлю быстро свернули, мне удалось изрядно подпортить знатым господам развлечение. Настроение понемногу улучшилось, и я даже стала насвистывать себе под нос прилипчивую детскую песенку. Вдруг кусты шевельнулись, и в паре шагов от меня на землю повалился крупный змееволк. Животное извивалось и билось, пытаясь стряхнуть капканы — по одному на задней и передней лапах. Мощный хвост в мелких серебристых чешуйках отбивал дробь по земле. Отсюда до охотничьих угодий было далеко. Выходит, несчаст-

ный зверь, не сумев выбраться из западни, проволок за собой стальные самоловы, лишь бы не попасться в руки охотникам. Хищник даже не скулил, стойко перенося боль. Его голова запрокинулась, и змееволк поймал мой взгляд. Я хотела было броситься наутек, но его глаза словно околдовывали. И я поняла — его уже не спасти... Вытащив свой маленький, но острый серп, подошла ближе. Зверь лежал тихо и только неотрывно наблюдал. Вознеся молитву Великой Матери, чтобы дух гордого и непокорного змееволка обрел покой в ином мире, я одним точным ударом прервала его мучения, обтерла окровавленное лезвие о траву и спрятала серп в ножны. Повинуясь неведомому порыву, палкой расцепила металлические челюсти капканов и отшвырнула их подальше.

Я пожалела, что спасла того знатного ублюдка. Жизнь за жизнь — вот что по-настоящему уравнило бы вселенную, а не какая-то блестящая безделушка. В сердцах сдернула с шеи веревку и бросила кольцо вслед за капканами.

На душе было гадко.

Глава 2

Дверной колокольчик мелодично звякнул, когда я вошла. Я видела такие всего несколько раз — в хижине Леэтель да в лавках в городе. Но если с магазином все ясно, там звон оповещает торговца о приходе покупателя, то зачем старуха повесила колокольчик у себя, я не понимала. В хижину на болоте уже лет десять точно не заглядывал никто, кроме меня. Селяне считали

чашобу проклятой, покосившийся домишко — зачарованным, а его престарелую обитательницу — ведьмой.

«В их опасениях есть доля правды», — усмехнулась я.

Меня не переставало удивлять то, что изнутри хижина выглядела гораздо просторнее, чем снаружи. В воздухе приятно пахло мятой, горькой полынью, зверобоем, кипреем и другими лекарственными травами. Под потолком висели сухие пучки, а на полках вдоль стен теснились баночки и бутылочки с мазями, отварами и зельями. Здесь всегда было чисто и сухо, что вблизи болота — настоящее чудо. Впрочем, это и было чудом, ведь огонь в очаге поддерживали не дрова, а магия хозяйки дома.

Старуха, дремавшая у окна, услышала звон колокольчика и повернулась к двери.

— А ты сегодня припозднилась, Эль! — ехидно усмехнулась Леэтель, но, увидев мое хмурое выражение лица, осеклась: — Что с тобой, девочка? — Старуха пылливо всматривалась в мое лицо.

Несколько мгновений я раздумывала, стоит ли рассказывать ей, но чувства перехлестнули через край:

— В лесу охотники... — у меня задрожал голос.

— Они пришли за нами?! — Старуха вскочила с места на удивление проворно для своих лет.

— Нет, это... просто охотники. Только сегодня их так много, как будто вся знать Брандгорда пожаловала. Обнесли флажками половину леса, да еще в два ряда, наставили ловушек и силков. — С каждым словом я распалаясь все сильнее. — По дороге сюда я наткнулась на матерого змееволка. Две его лапы попали в капканы, и я... Я прервала его мучения. — Горло сдавило от едва сдерживаемых рыданий.

Этель хмуро покачала головой и постучала по скамье рядом с собой. Я присела к ней, уткнулась в плечо старухи, покрытое шерстяным платком, и дала волю слезам.

— Рассказывай все, — в ее голосе послышалась сталь, воздух вокруг наэлектризовался и стал вязким, — станет легче.

Повинуясь магии слов болотницы, я начала в подробностях описывать сцены в лесу и едва успела остановиться, чтоб не проговориться о спасенном юноше. Леэтель становилась суровее с каждым моим словом, к концу рассказа ее седые брови почти сошлись к переносице:

— Флажки в два ряда, звероловов больше, чем зверей, с чего это такое внимание к лесу? — Старуха с закрытыми глазами растирала виски длинными корявыми пальцами.

— Может, граф или барон пожаловал? Хотя они уже бывали на охоте в наших краях, но такого я не припомню. — Мысли скакали, как блохи по шелудивой собаке.

Болотница прищурилась:

— Не к добру это. Вдруг кто-то донес местным аристократам, что ты в травницы подалась? Или, того хуже, до них дошли сплетни обо мне... Вынюхивают тут, прощупывают, а потом, глядишь, и ведьмоловы явятся.

— Не горячись, Этель! Это была обыкновенная охота. Просто очередного жадного до развлечений вельможу потянуло потешиться. Мальчишка с золотыми вивернами никак не тянул на ведьмолова. — Я слишком поздно поняла, что сболтнула лишнего, но старуха уже ухватилась за мои слова.

Она принялась буравить меня взглядом выцветших белесых глаз, двумя пальцами потирая подбородок с ведьминой отметиной. Как бы я ни старалась, выдержать этот испытующий взгляд было невозможно. Ей даже не потребовалось ни о чем расспрашивать. Я знала, что услышанное не понравится старице. Она на дух не переносила деревенских, а со знатью и вовсе имела личные счеты.

Вдаваться в подробности я не рисковала, да и не стала бы она рассказывать. Но за годы нашего знакомства по обрывкам случайных фраз я поняла, что именно аристократы согнали ее с насиженного места в городе и преследовали до самого леса. У старухи, растратившей магию за время бегства, не было ни шанса уйти живой. Леэтель угодила в болото, и предводитель ведьмолотов видел это. Он со свитой наблюдал, как убеленная сединой старица медленно погружалась в топь. То, что она тонула, по их мнению, было свидетельством невинности женщины. Вода как стихия чистоты не примет «нечистого человека». Но, как ни странно, они не поспешили на помощь, а оставили старуху на верную смерть — «в одиночестве дожидаться справедливого суда Богини». Ее спасло только мое появление. Тогда я как раз сбежала от очередного ремесленника, в подмастерья к которому меня пытался пристроить отец. Как же вовремя я стащила у своего несостоявшегося мастера веревку, чтоб сплести гамак! Услышав крик о помощи, я обмотала ее вокруг дерева — один конец бросила утопающей, а за второй тянула что есть мочи. Я вытащила старуху, проводила ее в пустующую хижину, помогла выжить и обустроиться в лесу. Мне было всего девять, я не задавала лишних вопросов

и тоже была беглянкой, это сблизило нас. Последние десять лет я оставалась единственной, кто навещал ее. А после смерти отца Этель стала для меня самым родным человеком, наставницей и другом. Я все реже возвращалась в родительский дом в деревне и все больше времени проводила у болотницы.

Глубоко вздохнув, я рассказала болотнице о спасенном юноше. Интерес в ее взгляде сменила холодная ярость. Я всерьез опасалась, что Этель обрушит свой гнев на мою и без того многострадальную голову, но она лишь сильнее насупилась.

— Ты ведь знаешь все, что я хочу сказать тебе, Эль? — с деланным спокойствием произнесла старуха.

Она поднялась гораздо медленнее, чем до того, словно груз прожитых лет с новой силой навалился на ее плечи. Болотница подошла к очагу, волшебный огонь в котором мерцал сине-зеленым светом. Она протянула руку, и пламя лизнуло ладонь. Теперь его языки медленно плясали между пальцами Этель, а она всматривалась в них, так и не поворачиваясь ко мне лицом.

— Помнишь ли ты, дитя мое, как обрела свой дар? — Голос ее звучал обманчиво ласково.

— Я получила дар из-за того, что был нарушен Закон Благодарности. Ты не смогла отплатить за помощь, и Богиня восстановила равновесие — отдала мне искру твоей магии.

От немощной на вид старицы исходила такая внутренняя сила, что воздух в хижине едва не искрился.

— Испытав такое, зная, что аристократы и их шакалы ведьмоловы сотворили со мной, ты излечила одного из них?!

Вначале она говорила почти шепотом, но к концу голос взметнулся так, что задрожали квадратики слюды в окнах. Старуха резко развернулась, ярость в ее глазах горела ярче пламени очага.

— Я соблюдаю великий Закон. Забрала то, что мне причиталось. Мы с ним в расчете. — Я отвела взгляд.

— Неужели? И что это? Какова цена его жизни? — вкрадчиво спросила она.

— Перстень. Золотой с чеканными гербовыми повернами. — Я неосознанно потянулась к шнурку на шее и покрутила в руке свой талисман — кристалл мориона.

Болотница подскочила так резко, что я невольно отпрянула.

— Покажи! Покажи мне! — взвизгнула она, хватая меня за руки.

— Не могу. Выбросила его в сердцах, после того как наткнулась на змееволка... — Я оторопела от ее напора.

Старуха так разъярилась, что на секунду показалось — ударит наотмашь! Но вместо этого Этель сухой и морщинистой рукой погладила меня по щеке.

— Извини, что отчитала. Тебе и так досталось сегодня...

В хижине внезапно потемнело. Огонь в очаге шипел и чадил, словно в него подбросили сырое полено. Всматриваясь в угасающее пламя, болотница продолжила:

— Ты все сделала верно! Конечно, продажа золотого кольца кормила бы нас всю зиму, но ты доказала — их грязными деньгами нас не купить.

— Да... Да! Я этого и хотела! — Помолчав немного, я добавила: — Кстати о продаже, послезавтра в городе

состоится праздник урожая, будет ярмарка. Я хотела отнести туда травяные сборы, настойки и мази. В прошлый раз их все раскупили еще до полудня. Если сделать побольше, нам и без перстня хватит заработанного до зимнего солнцестояния, а там новая ярмарка, — несмело протянула я.

Старица повернулась к полкам, уставленным баночками, и стала пересчитывать запасы.

— Осталось не так уж много всего. Часть ингредиентов у меня есть, но кое-чего не хватает. — Она задумчиво потерла подбородок. — Сегодня я, конечно, не погоню тебя в лес. Ты уже довольно натерпелась за день, но к утру составлю список. Если поторопимся, можем управиться в срок.

Я наспех соорудила обед. Добавила в тарелки с хлебкой по половинке вареного яйца, заправила сметаной и отрезала два ломтя от краюхи. Хлеб волшебным образом не черствел уже неделю, а сметана сохраняла свежесть еще с середины лета, когда незадачливый односельчанин расплатился со мной за притирку целой кринкой лакомства. За что я особенно любила заклинание заморозки, так это за то, что съестное под его действием могло храниться годами даже вне погреба.

После еды закипела работа. Основную часть всех ритуалов выполняла Этель, я была на подхвате. Пока я толкла в ступке сухие травы, она рассказывала об особенностях и свойствах каждого зелья и мази. Я любила такие моменты. Вся моя жизнь, все интересы сводились к этому лесу, его растениям, животным и искусству травничества.

Мы закончили за полночь. От усталости все тело стало ватным, не было сил даже разогреть запозда-

лый ужин. Я хотела было произнести для этого заклинание, но Этель одернула:

— Завтра Силы еще пригодятся, не растрачивай магию понапрасну. Ее запасы не бесконечны, а пополняются они медленно.

Пришлось давиться холодным овощным рагу. Оставив тарелки в тазу под рукомойником, я приплелась к лавке с настеленными одеялами и повалилась, даже не разуваясь.

Старуха села рядом, положила мою голову к себе на колени и принялась гладить по волосам.

— Ну вот, Эль, опять ты не сняла талисман перед сном, — сказала она, развязывая веревочку на моей шее, — а морион должен очиститься. Ты ведь знаешь, что черный кварц работает как губка и избавляет владельца от темного да дурного. А сегодня на твою долю выпало много всего.

Болотница поднялась, направилась к рукомойнику и подставила амулет под струю воды. Что-то нашептывая, она тщательно омыла кристалл со всех сторон. Я наблюдала за ее плавными движениями. Веки налились свинцом, все тело ныло, но сон не шел то ли из-за пережитого утром, то ли от сильной усталости.

— Этель, расскажи что-нибудь... — Голос звучал хрипло.

— Хорошо, — усмехнулась болотница. — Давным-давно, когда весь мир утопал во тьме, тьма была вселенной, а вселенная — тьмой, всемогущая Богиня варила в котле мироздания чудотворное зелье. Она танцевала вокруг котла, а вся наша земля была лишь камнем под ее ногами. Богиня мешала варево золотой ложкой, украшенной драгоценными камнями, и на-

распев читала заклинание созидания. Зелье с ложки капало вниз, но Богиня не замечала этого, увлеченная творением. Там, куда попадали капли, вырастали леса, разливались океаны, вздымались горы. Каждое слово, каждый звук в заклинании порождал животных, растений, насекомых и птиц, последним же появился человек. Богиня заметила, что содержимое котла расплескалось, и прервала заклинание. Но оно было настолько сильным, что обряд не смог остановиться сразу — котел забурлил, и на только что возникшую землю пролилась магия. Мать всего сущего не хотела наделять свои неразумные создания такой могучей Силой, но чтоб исправить ошибку, пришлось бы уничтожить все содеянное. Богиня сошла на землю в случайно сотворенный дивный сад и увидела, каким красивым и разнообразным получился мир. Возрадовалась она и всплеснула руками. Драгоценная ложка выскользнула из пальцев Богини и разбилась о горный хребет, оттого-то именно в горах чаще всего находят самоцветы и золото. Создательница не решилась разрушить прекрасный новый мир и вместо этого подарила людям, своим последним созданиям, разум, чтоб они могли собрать магию внутрь себя и использовать ее во благо. Мужчина и женщина, сливаясь воедино, способны сотворить величайшее чудо — саму жизнь. Но сосудом для этого торжества созидания является женщина, она накапливает Силу и становится источником ее. Запомни, девочка, мы — средоточие магии, подобно Великой Матери, так было с начала времен. Но мужчины уstraшились, что женщины — дарующие жизнь — превзойдут их в могуществе. Лаской и хитростью, с помощью клятв любви и верности уговорили

они своих возлюбленных стать жрицами Богини и все свое волшебство возложить на алтарь Великой Матери. Служительницы не могли больше использовать Силы вне храмов, а творящих чудеса в миру отступниц прозвали ведьмами. Мужчины объявили себя единовластными хозяевами Силы — магами. Их прислужники — ведьмоловы — преследуют наших сестер днем и ночью, и горе тем девам, что угодили в их руки. Увидела Богиня, что ее возлюбленные создания творят такие беззакония, и заплакала. Горькие слезы ее упали в источник магии, и он иссяк. С тех пор волшебство на земле не прибывает. Теперь далеко не каждый человек рождается с магическими способностями. Цени свой дар, дитя мое, пусть он достался тебе не от рождения, а лишь во исполнение Закона Благодарности!

Не знаю, что повлияло больше — запах высушенных трав или знакомая с детства легенда, но глаза закрылись сами собой. Леэтель говорила что-то еще, но я уже не разбираю слов.

Лес утопал в тумане. Солнце уже встало, но его ослабевшие осенние лучи не могли сразу разогнать марево. Дрожа от утренней прохлады и влажности, я куталась в куцый плащ и быстро шла в чашу. Нужные лекарственные растения росли в самых заповедных местах. Селяне не осмеливались соваться туда, возлагая эту малоприятную и опасную миссию на меня.

Некоторые травы из списка Этель я уже нашла. Аир рос прямо на болоте недалеко от ее хижины, но старуха всегда отправляла за ним меня. Она любила приговаривать, что лечебные свойства открываются только тем, чьи намерения бескорыстны. Сама болотница, по ее словам, давно утратила чистоту помыслов. Моло-

чай попался мне в пролеске, а вот очанку пришлось поискать, но основные сложности были еще впереди. Крупными буквами в списке значился корень мандрагоры. Более редкого и прихотливого растения я никогда не встречала. Она росла только в одном месте, на поляне в самой чаще. В центре ее высился гигантский валун, исписанный странными символами. Деревья образовали вокруг камня ровный круг, казалось, они старались держаться на почтительном расстоянии. От этого места у меня по спине побежали мурашки. Близ валуна не росла даже трава, и единственным растением, которое могло вынести такое соседство, была мандрагора. Ее мелкие фиолетовые цветочки, похожие на звездочки, уже отцветали. Над землей торчали только лопухи листьев. Я выбрала десять крупных кустов и стала выкапывать их.

Хватило меня ненадолго. Когда я закончила с третьим кустом, силы иссякли, а желудок жалобно заурчал.

Отойдя к кромке деревьев, я уселась на землю, привалилась к стволу и достала из сумки фляжку с молоком, два ломтя хлеба и вареное яйцо. Несмотря на близость каменной глыбы, было приятно посидеть вот так с закрытыми глазами, подставив лицо солнцу. Смачно откусив хлеба, я хлебнула из фляги и поперхнулась. В молоке плавал маленький комочек земли. Странно, как он туда попал? Вроде и землю с рук отряхнула, и о передник их для верности обтерла... Но я была не настолько брезглива, чтобы вылить драгоценный продукт. Обмотав горлышко фляги чистой тряпицей, я благополучно допила и вернулась к работе.

Ценные корни я завернула в ткань и сунула в узелок. Обратный путь был куда приятнее. Дымка рассеялась,